

Поэтика и политика городского пейзажа.

Голубая мечеть Еревана

Цыпылма Дариева

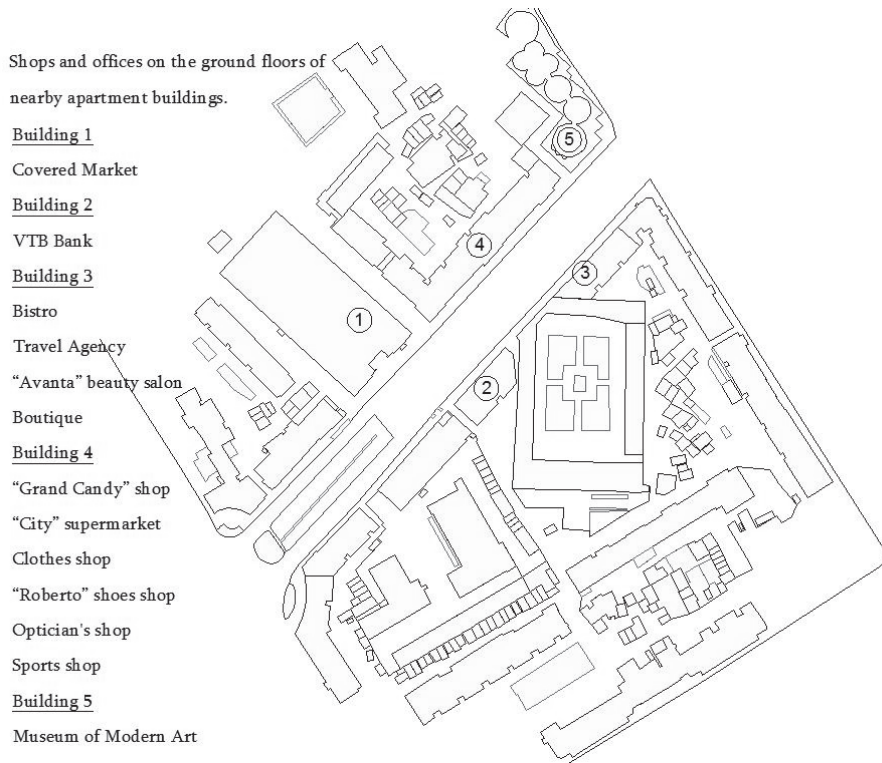
Ах, Эривань, Эривань! Иль птица тебя рисовала,
Или раскрашивал лев, как дитя, из цветного пенала?
Ах, Эривань, Эривань! Не город — орешек каленый,
Улиц твоих большеротых кривые люблю вавилоны.
Я бестолковую жизнь, как мулла свой коран, замусолил,
Время свое заморозил и крови горячей не пролил.

Оосип Мандельштам, 1930

Введение

В этой статье я хочу обратить внимание на процесс возвращения одного композиционного элемента городского ландшафта в г. Ереван, а именно исторического здания Голубой мечети, находящейся на центральной улице Маштоца. Построенная во второй половине 18 века, по заказу тогдашнего управляющего городом – сардаром- Гусейн Али Ханом, Гек Джамии или Гой Масджит, что в переводе с тюркского означает Голубая мечеть, сегодня горожанами обычно называется Персидской мечетью. Мечеть воспринимается властями и жителями города как политический символ ирано-армянской дружбы, укрепившейся за годы независимости Армении. Несмотря на ее центральное месторасположение, территория мечети с двумя молельными помещениями, оранжево-голубым куполом, 28-метровым минаретом и просторным двором практически незаметна ни на карте города, ни на ее физическом пространстве. Мечеть окружена с трех сторон многоэтажными жилыми домами типовой социалистической застройки, а мозаичный портал входа теряется среди монументальной каменной архитектуры и рекламных щитов главного проспекта.

Рис 1. Схема мечетного комплекса. Исполнение: Анаит Меликтесян, февраль 2011.

Данная статья является частью моего исследовательского проекта о трансформации сакральных мест в постсоветских закавказских городах¹ и сфокусирована на процессе неоднократной де- и реконтекстуализации религиозного пространства и воображаемого ландшафта вокруг архитектурного сооружения. Дорин Месси подчеркивала, что при изучении формирования образа и идентичности места, его прошлого и настоящего, как правило, определяется не столько самой историей, сколько нарративами и легендами, появляющимися вокруг него (Massey 1995: 188). Считается, что одно и то же место может ассоциироваться с разными и даже противоречивыми коллективными нарративами и историческими легендами, поэтому при анализе

¹ Исследовательский проект получил финансовую поддержку от Японского Фонда продвижения науки (JSPS), которая позволила провести полевые исследования в 2010-2011 гг. Хочу выразить признательность своим коллегам Сатеник Мкртчян (Национальная Академия Наук) и Анаит Мелкитесян (Ереванский Государственный Университет), за активное участие в сборе эмпирического материала.

воображаемого ландшафта важно ставить вопрос не только о том, какие образы складываются, но и как эти истории рассказываются и какой нарратив становится доминантным в восприятии обществом. Исходя из этой позиции, я попытаюсь взглянуть на процесс возвращения мечети более детально с точки зрения текстуры места, его истории и меняющегося образного характера.

Если говорить о качественно новом уровне конструирования городского пространства сегодня, то после распада социалистической системы и советской культурной логики градостроительства необходимо отметить общий факт возвращения религиозных институтов и символов в публичное пространство, прежде всего проявившийся в строительстве и реконструкции сакральных мест и молельных домов.² Что касается конструирования нового имиджа Еревана, то здесь хочу отметить один интересный и важный аспект. С 2000 г. наряду с развитием постмодернистских архитектурных проектов, продвигаемых элитными структурами, одним из компонентов нового направления официальной культурной политики стала идея сохранения и реставрации этнически не-армянских исторических и культурных памятников на территории Армении. В список государственного соглашения от 2001 г. вошли такие объекты как: две русские православные церкви в Ереване, католическая церковь в Гюмри, Голубая мечеть и мечеть Абу-Мирза в Ереване, две ассирийские церкви, две греческие церкви, одно еврейское кладбище, одно курдское кладбище и пятьдесят азербайджанских памятников и кладбищ на территории республики Армении. Такой археологический курс на процесс символического возврата к истории и религиозному многообразию Армении юридически поддерживается новым законом о «Защите прав человека», принятым в январе 2004 года.³

---

² Это развитие имеет повсеместный характер для всего пост-советского пространства и представляет собой достаточно противоречивый процесс. Учитывая последствия вооруженного этнического конфликта между Арменией и Азербайджаном в начале 1990х гг, процесс «возвращения» не-армянских памятников носит особенно сложный характер. Томас де Вааль в своей книге отмечает, что во время эскалации межэтнического конфликта в 1990х, одна из старых квартальных мечетей в Ереване была снесена молодыми националистами в ответ на армянские погромы в Сумгаите, Азербайджан. См. De Waal 2008.

³ Этот закон, представленный министром Комитета культуры по сохранению исторических и культурных памятников согласован с Управлением по вопросам национальных меньшинств и религии Аппарата Правительства Республики Армении. Подробнее см. в пятом и шестом периодическом докладе Армении, 2010: <http://www.gov.am/en/religion/>, стр. 20.

Нормативный образ и культурная логика советского города-столицы в Армении создавались и конструировались в рамках генерального мастер-плана, спущенного сверху, основной целью которого был переход от феодально-капиталистического к социалистическому порядку⁴. Утверждение социализма в закавказских городах предполагало развитие новой инфраструктуры и городской атеистической культуры по принципу социалистических «по содержанию» и национальных по «форме». Идея и практика советской формы социализма в Закавказье ассоциировались, прежде всего, с «цивилизационным» развитием и модернизацией общества, продвижением европейской «культурности» и технического прогресса, противопоставлявшимся материальной «отсталости» локального места и «беспросветности азиатской жизни».

Рис. 2. Макет Площади Ленина 1971, Источник: Закоян, Мой Ереван, фото № 24.

Соответственно не удивительно, что политика городского ландшафта предполагала качественно новый уровень ее репрезентации. Элементы городского ландшафта, ассоциируемые с «далеким» и «примитивным» прошлым, как правило, фрагментировались, переименовывались и существенно менялись в восприятии горожан. В этом архитектурно-материальном переломе и процессе деконтекстуализации элементов городского ландшафта наиболее

---

⁴ Более подробно о строительной практике в Ереване см. Акопян 1977, Гаспарян 2008, Абрамян 2010, Ter-Minassyan 2007.

радикально фрагментируются религиозные пространства и молельные дома, которые или исчезают с поверхности городского ландшафта или видоизменяются и претерпевают существенную трансформацию в их функциях и назначениях. Вот как описывает атмосферу и скорость этого наступающего перелома поэт Андрей Белый во время своего путешествия в Армению в конце 1920 гг.

«Едва сели, как выдернулась из под шин Абовяна улица, улицей Ленина ставши ряд европейских построек неся мимо нас. Вагаршак Сарапьян наш шофер свои зубы показывая рвет ландшафты, и площадь является, очень нелепый собор (цвета дичьего сыра) украсился очень большой пентаграммой (кажется клуб комсомольский), тут ярко взорвали пестроты базара, тряпьем нападая, но брошены за спину, скатываемся из пыли над старым мостом через Зангу, оранжевый купол мечети и желтые стены с бойницами нас не успели увидеть, мы мимо, и врезались в гущи, приятные запахи пшата меж стен глинобитных и зеленогрифельных с белым шиповником». (Армения, 1997: 43)

После генеральной реконструкции города в середине двадцатого столетия, проявившейся в парадной масштабности, в застройке города целостными кварталами и монументальности центра, Ереван приобрел новый статус «древней, но вечно молодой столицы» (Акопян 1977).

Примечательно, что построенный в 1766 году квадратный комплекс мечети с двориком не претерпел каких-то значительных изменений в своем облике. Более того, несмотря на новое широкомасштабное строительство, расчистку территории для новой архитектуры и агрессивную антирелигиозную кампанию, здание мечети с его тенистым двориком не исчезло, а скорее всего приобрело новое общественное значение для городского ландшафта.

Голубая мечеть как творческая лаборатория

«Ландшафты со стороны более высокого уровня на севере, откуда вы подъезжаете к Эривани, производят такое впечатление, которое никогда не забывается. Весь массив Арарата на виду с вершин до основания, то тополя так высоки и так роскошны бесчисленные разновидности

фруктовых деревьев, что купола мечетей и церквей и разбросанный у ваших ног город утопает в их зелени». (Линч, 1901)

До середины 30х гг двадцатого столетия, наряду с семью армянскими церквями, четырьмя православными церквями и одной синагогой, Голубая мечеть являлась одной из восьми мусульманских молельных домов, составляющих многоголосие городского религиозного ландшафта г. Эривани. Хотелось бы подчеркнуть ту особенность, что к 1917 Эривань, как и другие регионы Закавказья, расположенные на границе между Российской Империей и Ираном, представлял из себя пестрое лоскутное одеяло, сшитое из различных конфессиональных и лингвистических групп со слабо разделяющими границами между общинами (King 2008:144, Suni 2001). Особенность Голубой мечети заключалась в том, что бывшая соборная пятничная мечеть по своим размерам являлась одной из самых больших мечетей в Закавказье. «Очень красив высокий минарет, который среди построек старого Еревана был самой высокой точкой и мог быть замечен еще издали», подчеркивает Акопян значение этого комплекса для материальной и культурной истории г. Еревана (Акопян 1977: 132). Голубая мечеть и близлежащая рыночная площадь с крытым базаром и церковью Заравар являлись частью репрезентативного пространства старой Эривани.

«From Surb Zoravor one may readily regain the Tiflis road and pass in a southerly direction along the central park. Thence it is no great distance to the principle mosque of the city, Gök -Jami or mosque of heaven. This edifice is situated in the western half of Erivan, and surrounded by dwellings of Tatars in considerable number, overlapping into the Armenian quarters. It is approached from the narrow streets of a bazaar consisting of booths, and is entered by a handsome doorway at the side of an imposing minaret, of which the surface is diversified by designs in polychrome tiles. You pass through a vaulted passage in to the great court. It is a vast place, shady and serene. Lofty elms of great age shadow the basin of overflowing water which bubbles in the center of the paved spaces». (Линч 1910: 297)

Рис. 3. Открытка с видом Гек Джами, конец 19 века.

Как отмечал английский путешественник Гарри Линч, автор двухтомника «Армения. Путешествия и Штудии», вышедшего в начале двадцатого столетия, именно Голубая мечеть с ее тенистым двором предоставляла горожанам редкое убежище от городской пыли и жаркого солнца. Это качество не осталось незамеченным местными интеллектуалами в 1920е прошлого столетия. При отсутствии удобного городского парка и Дома творческой интеллигенции двор мечети с чайханой приобретает новое значение как социальное пространство. Тенистый двор с фонтаном служил местом повседневной деятельности и творческих встреч интеллектуалов-коммунистов, поэтов и художников, как Егише Чаренц, Мартирос Сарьян, Габриэл Гюрджян, Аксель Бакунц, а также Уильям Сароян, Осип Мандельштам, Андрей Белый, Борис Кузин. Согласно различным нарративам и комментариям моих собеседников, двор мечети активно использовался как творческая и «духовная» лаборатория, где проходили выставки армянских художников и скульпторов⁵. Дворик Ереванской мечети становится той частью живописной и лирической периферии, которую охотно помещают на различных изображениях «старого города». Интересно, что поэтическое качество этого места передается через

---

⁵ Участники Первой выставки Общества работников изобразительных искусств Армении, организованной в 1924 г. в Ереване, выставляли свои картины во дворе мечети.

фольклорное описание его материальной культуры и пищи. В этом несколько ностальгическом дискурсе о «живой старине» особое место занимало воспоминание о медном самоваре и чайхане внутри двора мечети. Приведу один пример из воспоминаний Кузина о своем пребывании в городе:

«В странах старой винной культуры чай бывает не в ходу. Жажду там утоляют вином или холодной водой, кстати – в Эривани на редкость вкусной. В обычном ереванском ресторане, столовой, кофейне можно получить кофе, какао, сладкое горячее молоко, простоквашу (мацун), только не чай. В среднеазиатских городах я проводил свободные от дел часы в чайханах. Там читал, писал и одну за другой заказывал порции чая, который пил непрерывно. В Эривани получить чай можно было только в тюркских харчевнях на базаре.....

Эриванский базар примыкал к большой площади, заваленной тогда массой обтесанного камня.....Майоликовые купола и зелень деревьев возвышалась над стеной. Но главные ворота мечети, выходящие на площадь, были заперты. Однажды, проходя вдоль другой стены мечетного двора, я увидел в ней небольшие ворота. Они были открыты. Я вошел во двор и просто остолбенел. Двор с каменными плитами со всех сторон был обсажен мощными вязами, создававшими защиту от пыли окружающих улиц и, как казалось, даже от шума. Из-за деревьев проглядывали стены мечети....Посреди двора находился небольшой прямоугольной формы бассейн с двумя фантанчиками. В нем плавали две белые утки. Бассейн был обсажен развесистыми карагачами, между которыми стояли массивные, вытесанные из камня скамьи. Под одним из деревьев находился стол, а на нем – огромный желтой меди самовар и арсенал чайной посуды. Несколько тюрков, большей частью пожилых, сидели на скамьях. Мое появление не привлекло никакого явного внимания присутствовавших. Подошел чайчи и спросил: Чай?» - Да, «Сладкий?» – нет. Чай был, как всегда в чайханах, хорошо заварен и горячий».

(Мандельштам, О.Э. 1989: 80-81)

Вдохновленные идеями нового направления в искусстве, принципами социалистического реализма, армянские художники, объединенные Товариществом работников изобразительного искусства (1923-1930), создают лирические пейзажи «периферийного» города и его повседневности с

оттенками некоторой экзотизации. Примечательно, что вокруг дворика Ереванской мечети локализуется жизнь простого горожанина, обрамленная шумом базарной площади, узкими улицами и куполами мечетей и церквей. Эта локализация городской жизни, с одной стороны, свидетельствовала о символе уходящего «ориенталистского» и архаичного прошлого Еревана, а с другой стороны, создавала образную материальность ереванской повседневности. При этом, хотелось бы обратить внимание на коллекцию фонда Ереванского Музея истории города, где хранятся работы армянских художников, создавших лирические пейзажи старого города с присущими ему романтизмом узких и кривых улиц. На полотнах живописно изображается атмосфера Ереванского караван-сарая с большой площадью на фоне голубого купола мечети. Это работы Сетрака Аракеляна «Старый Ереван» (1921), Ануш Сагинян «Старый рынок», Габриэла Гюрджяна (1930).

Рис. 4. Сетрак Аракелян «Старый Ереван» (1921), Фонд Музея Истории Еревана, фото автора.

Рис. 5. Ануш Сагинян «Старый рынок» (1926), Фонд Музея Истории Еревана, фото автора.

Рис. 6. Габриэл Гюрджян, без названия (1930). Фонд Музея Истории Еревана, фото автора.

Рассматривая эти пейзажи, прежде всего, в глаза бросается визуальная репрезентация «восточной» городской жизни с метафорами повседневности простого жителя города, где «народный дух» органично сочетается с местным архитектурным комплексом и простыми действиями человека. Городской пейзаж на старой площади подкупает своей романтичностью, пестротой и яркостью красок. Тогда метафора «Старый Ереван» и городской пейзаж ассоциировались с вавилонами и извилинами персидского, восточного и многокультурного «каленого орешка», а не с царско-русской широтой и социалистической прямоотой европейских улиц и проспектов, выстроенных к концу 19 столетия.⁶ Можно сказать, что Голубая мечеть и ее пространство воспринимаются интеллектуалами как лаборатория особой коммуникативности и как нечто «армянское» «свое, родное, ереванское», другими словами, как «локальный бренд». Такая своеобразная актуализация этой части городского ландшафта и ее культурного разнообразия привело к последующему сдвигу. Со слов работников музея, именно благодаря вышеупомянутым именам художников и поэтов и их творениям, здание мечети не снесли. В 1935 году согласно музейным нарративам по предложению Егише Чаренца здание мечети предоставили для сбора коллекции будущего музея истории города, репрезентирующий «старый» «уходящий» Ереван, облик которого уже существенно менялся навстречу модернистскому проекту социалистического Еревана.

В 1940е гг. шла интенсивная реконструкция и строительство нового Еревана в его центральной части, и в ходе этого процесса многие улицы расширились и поднимались. Проезжая и пешеходная части проспекта Ленина (позднее улица Маштоца) были приподняты на два метра, и таким образом произошла физическая де-сакрализация и символическое «опущение» религиозного места, каким была, собственно, мечеть. Произошел новый виток деконтекстуализации мечети, в котором, прежде всего, подчеркивалась не только секулярность, но и ее территориальная обособленность. Поэтому и сегодня, чтобы зайти в мечеть, это значит спуститься вниз вглубь по лестнице. Кроме этого ключевым в символической десакрализации религиозного места оказывается реорганизация системы входа и выхода из архитектурного

---

⁶ Интересно, что согласно новому Проекту по зонированию центральной части города «Кентрон» от 2007 года, наряду с созданием многофункционального делового центра «Ереван-Сити» предусмотрено создание пространства «Культурное единение народов» для проведения фестивалей в пределах садов Сардара. См. Епископян 2010.

комплекса. Если ранее в мечеть можно было зайти с трех сторон: южной, северной и западной, то к 1930 году остается открытым только один вход. Южные ворота со стороны минарета, служившие главным парадным входом в мечеть, в ходе антирелигиозной кампании блокируются. Таким образом, главные ворота, запечатленные на картине Гюрджяна, прекращают свое действие, а западный вход наполовину засыпается и огораживается. Действующим остается только один противоположный северный вход, уступающий южному по своей красоте и значимости. Утратив первоначальную смысловую нагрузку и функциональность религиозного места, Голубая мечеть, становится секулярным институтом образовательного направления. С 1935 по 1991 здание бывшей соборной мечети с воротами, символически смотрящими на север, используется как Ереванский Музей Атеизма, позже как Природоведческий Музей и Музей Истории города Еревана. При этом, главный зал с его просторным куполом в течение нескольких десятков лет служил помещением для планетария. Можно констатировать, что перед лицом проекта генеральной реконструкции и строительства новой советской армянской столицы, в двадцатом веке статус Голубой мечети пересматривается, деконтекстуализируется, фрагментируется, но не маргинализируется.

Голубая мечеть является одним из старейших зданий современного Еревана. В 20 веке на протяжении почти шестьдесят лет комплекс мечети служил зданием Музея истории города. Однако пост-советский официальный нарратив не включает это архитектурное сооружение в свой культурный репертуар. Мало кто из жителей помнят название мечети как «Гек джами», или Голубая мечеть. Она не ассоциируется с «древностью» городского ландшафта. Можно утверждать, что местоположенность прошлого существенно трансформировалась и была символически отчуждена от настоящего. Тем не менее, это не значит, что настоящий объект городского ландшафта исчерпал свои нарративные возможности.

К концу 1990 гг. горожане становятся свидетелями нового витка реконтекстуализации и сменой образа «бывшего планетария». После капитальной реставрации и официальной ре-сакрализации пространства Голубая мечеть получает свое новое название – Персидская мечеть. Без претензии на парадность и лишённая какой-либо помпезности, мечеть представляет собой интересное архитектурное сооружение. В 1995 году иранские строительные кампании вместе с армянскими архитекторами восстановили купол, и официально право на использование этого здания как

мечеть и Культурный центр было передано Культурному Представительству Иранской Республики. Процесс восстановления мечети и акт передачи здания представителям соседней южной страны происходил в тот момент, когда Армения после Карабахской войны и распада Советского Союза находилась в политической и экономической изоляции. В кризисной ситуации Иран неожиданно оказал существенную стратегическую помощь Армении в сфере поставки энергетических ресурсов и продовольствия⁷. Интересно, что в настоящий момент мечеть действует и как культурное, и как религиозное молельное место для иранских мигрантов, но в Ереване отсутствует официально зарегистрированная мусульманская религиозная община.

Мечеть как транскультурное место и нарративы религиозного симбиоза

После того как здание мечети было отреставрировано, архитектурное сооружение приобрело новое значение для городского ландшафта. Это одно из немногих уцелевших объектов кирпичной постройки (обоженный и глазурный кирпич), характерный для общественных и жилых строений закавказской архитектуры. Оранжево-зеленый купол, стены и двор существенно отличаются от каменной и бетонной застройки окружающего городского пространства. Несмотря на закрытость комплекса, оно доступно для любого посетителя. Функциональная особенность этого пространства выражается в том, что в Гек-мечети не преобладает религиозный дух традиционной шиитской общины, а скорее всего секулярный, культурно-просветительный и туристический. Мечеть не является местом, где поведение посетителей и их внешний облик, например, как ношение чадры, регулируется религиозными принципами. Один из респондентов, член иранской мусульманской общины подчеркивал, прежде всего, ее социальное и неформальное значение, нежели религиозно-официозное. Предоставляя помещение для культурных мероприятий, уроков персидского языка, устраиваемые представителями Посольства Ирана в Армении, и являясь открытым местом, мечеть с ее двором воспринимается горожанами как место для отдыха, тихим «оазисом» среди городского шума и трафика.

---

⁷ См. Sharashenidze, 2011

Рис. 7. Северный вход в мечеть, со стороны улицы Маштоца 2008, фото автора.

Рис. 8. Южный вход в мечеть с минаретом, бывший центральный вход, ноябрь 2010, фото автора.

Рис. 9. Центральный михраб Голубой мечети, март 2011, фото автора.

Что касается внутренней архитектуры и назначения построек внутри мечети, кроме двух купольных залов значительное место внутри комплекса занимает объемная библиотека с персидской литературой, хозяйственная часть с просторной кухней, ритуальные помещения для омовений, арочная колонада со множеством небольших помещений для занятий, охраны, выставок, кабинета зубного врача, компьютерная комната для иранских студентов. По словам директора Культурного центра, в Ереване проживает около 2000 студентов и предпринимателей из Ирана.

Однако, сакральность и религиозная духовность конструируется каждый четверг вечером, когда перед заходом солнца в мечети проходит ритуал вечернего намаза. В эти дни собираются в основном мужчины разных возрастов, причем молебен проходит без участия профессионального муллы. В четверг же на территории мечети можно приобрести халяльное мясо, обычно баранина, но эта практика широко не афишируется и имеет достаточно общинный характер. На большие праздники, когда собираются семьи иранских студентов и бизнесменов, муллу приглашают из Ирана. Не имея регулярной должности муллы при ереванской мечети, тем не менее, члены общины, в основном те, что зарегистрированы в иранском консульстве, получают позывные смски к началу намаза. Хотя минарет, построенный в конце 18 в. в месопотамском стиле и сохранился, но он потерял свою функцию оповещения о начале намаза еще в

20-е гг. двадцатого столетия. Религиозная коммуникация, так называемый мобильный «смс-азан», бесшумно и индивидуально напоминаящий о религиозных обетах, приобрела новую форму. Интересно, что Шакиба, бывший директор культурного центра, в своем интервью сводил религиозную тематику на постмодернистское и минималистское отношение к традиционным и историческим строениям: «Функция минаретов ушла в прошлое, сегодня они только сигнализируют о назначении общественного здания. Вместо этого мы используем услуги электронной и мобильной связей»⁸. Таким образом, роль минарета теряет здесь свою традиционную смысловую цепочку и ограничивается исключительно архитектурной и эстетической ценностью.⁹

В этой статье хотелось бы отметить еще один интересный компонент «архитектурного нарратива», свидетельствующий о воображении культурного симбиоза, характерного для локальных сообществ Закавказья. Вопреки деконтекстуализации истории места и ее образа прослеживаются элементы, связующие прошлое с настоящим, а также различные традиции в особый местный симбиоз. В главном молельном помещении, имеющем три отдельные залы, но соединенных проходами, на южной стороне каждого из этих залов расположены три михраба, сакральные ниши, определяющие кибловое направление в южную сторону. Размер и дизайн не особо отличаются друг от друга. С религиозными элементами иконографии их порталы украшены персидской и арабской вязью из священной книги Корана, поэтические строки Саади и Фирдоуси, а также надписью с именем правителя Эривани, Гусейн Али, и годами постройки мечети (1762-1783 гг.)¹⁰.

Судя по комментариям моих собеседников и интервью с местными архитекторами-реставраторами, здесь прослеживается нарратив о трех нишах с различными предназначениями. Первый михраб, расположенный у входа в помещение не несет в себе особой сакральной нагрузки. Во время моих посещений работники мечети иногда использовали его в качестве подсобного помещения для хранения пылесоса и другой техники. Срединная комната с михрабом является центральной сакральной частью мечети, так как здесь собираются прихожане мужского пола для молебна и михраб используется по

---

⁸ Интервью от 18 марта 2011, Ереван.

⁹ Система смс-азанов не является исключительно ереванским новшеством, такая система коммуникации существует и в мусульманских общинах европейских и американских городов, где роль глашатая-муэдзина сводится на минимум.

¹⁰ См. Ritter 2008.

своему прямому назначению. Третья комната, по размеру уступающая первым двум, предоставлена для посетителей женского пола. Я хочу обратить внимание на повторяющиеся утверждения, услышанные мною во время полевых исследований в марте 2011, которые можно отнести к категории городских мифов. Согласно этим утверждениям, троица михрабов символизирует три различные традиции религиозных общин, когда-то сосуществовавших в Армении – шиитской, суннитской и армянской. Такие высказывания о сакральной композиции интерьера и общей связанности различных религиозных направлений придают мечети исключительный и в какой то степени экзотизированный характер. Этот тезис не достаточно подтвержден историческими документами, но интересен по своей интерпретации. Как уже упоминалось в начале статьи со ссылкой на высказывания Месси, идентичность места, как правило, определяется не столько самой историей, сколько нарративами и легендами, появляющимися вокруг него (Massey 1995, 188). Несмотря на современный доминантный образ Голубой мечети как исключительно «персидской», «не своей», «чужой», существуют другие более гибридные интерпретации и «поэтические» формы прочтения текстуры места. Здесь необходимо упомянуть намек на армяно-тюркско-персидский симбиоз, выраженный в соединении элементов христианской и мусульманской архитектуры. Южная кибловая часть мечети украшена тремя витражными окнами, расположенными непосредственно над центральным михрабом. По словам архитекторов и журналистов, факт того, что по своему размеру среднее витражное окно больше чем боковые, демонстрирует связь с христианским символом Троицы – отца, сына и святого духа, светящимся над центральным михрабом (Muradyan/Saakain 2008: 5). Другой пример касается наличия двенадцати небольших окон, прорезанных на барабане купола центрального молельного зала. Эти окна ассоциируются у армянских журналистов и архитекторов с двенадцатью святыми апостолами¹¹. Можно предположить, что

---

¹¹ В своем ценном комментарии к моему докладу (Ереван, 12.09.2012) Левон Абрамян указал на еще один интересный пример «культурного симбиоза» в Армении. Один из колоколов священного Эчмиадзина был подарен одним набожным армянином, купцом из Индии, который отличался тем, что на нем была выгравирована тибетская надпись, священная буддийская мантра «ом а хум». Таким образом, довольно долгое время в ходе каждой литургии утром и вечером над Арменией проносилась буддийская мантра. В 1970-е гг. колокол сняли не из религиозных соображений, а заменили на более современную электронную систему, которую подарили западные армяне. Как заявляет журналист в своей очерке (очерк появился после дискуссии круглого стола в октябре 2012), подобный факт

Голубая мечеть получает новую интерпретацию как доказательство воображаемой модели межэтнического существования и материального подтверждения «закавказского гибридности»¹². Возникает вопрос, насколько тема символического взаимодействия может стать частью культурной логики современного городского пространства и религиозного многообразия в Закавказье? В настоящий момент здесь прослеживается еще не совсем устойчивая связь между многоголосым прошлым и несколько молчаливым настоящим.

Люди “строят” и конструируют свой город в воображении, используя для этого различные детали городского ландшафта и разные символы прошлого. Со сменой исторических эпох, политической власти и эстетического вкуса менялись не только различные детали одного и того же городского пейзажа, но и целые образы города. Так, по своему аналитическому и ценностному восприятию складываются разные образы одного и того же города. Несомненно, что неоднократная деконтекстуализация и фрагментаризация религиозного пространства Еревана тесно связана с линией парадной истории города, но на воображаемом уровне эти линии и их границы могут стираться, создавая вокруг них новый нарратив сакральности.

Литература

Левон Абрамян, Ереван. Память и забвение в организации пространства постсоветского города, *Антропологический форум* 12, 2010, С. 248-271.

Тадевос Акопян, *Очерк истории Еревана*, 1977, Ереван: Издательство Ереванского Университета.

Андрей Белый, *Армения*, 1997, Ереван: Наир.

Кристина Ваграмян, Многие годы над Первопрестольным Эчмиадзином раздавались звуки священной мантры, *Armenia Today*, 08.10.2012.

<https://mail.google.com/mail/?shva=1#inbox/13a59699842fa929>

можно интерпретировать как еще одно доказательство особой духовности Востока. Подробнее см. Ваграмян 2012.

¹² Эта тема еще мало изучена.

Шушаник Епископян, Семиотическая организация и трансформация городского пространства центра Еревана, *Город. Миграция. Рынок: Новый взгляд на социокультурные проблемы в исследованиях Южного Кавказа*. 2011, Тбилиси: Фонд Генриха Белля, С. 13-46.

Осин Мандельштам. Стихотворения, проза, записные книжки. Составитель Н. Гончар-Ханджян, 1989, Ереван: Хорурд. Грох.

Thomas De Waal, *Black Garden. Armenia and Azerbaijan through Peace and War*, 2003, New York: NY University Press.

Harry Finnis Lynch, *Armenia: Travels and Studies*. Volume 1. The Russian Provinces, 1965, Beirut: Khayats.

Doreen Massey, "Places and Their Pasts," *History Workshop Journal*, 1995, 39, pp. 182-192.

Anna Muradyan & Vardui Saakyan, *Pervaya Gazeta*, Caucasus Media Institute, 2008, 6, p. 5.

Markus Ritter, *Moscheen und Madrasabauten in Iran 1785-1848: Architektur zwischen Rückgriff und Neuerung*, 2006, Leiden: Brill Academic Publications.

Markus Ritter, "The Lost Mosque(s) in the Citadel of Qajar Yerevan: Architecture and Identity, Iranian and Local Tradition in the Early 19th century," *Iran and the Caucasus*, 2009, 13/2, pp. 239-280.

Tornike Sharashenidze, "The Role of Iran in the South Caucasus," *Caucasus Analytical Digest*, 2011, 30, pp. 2-5.

Ronald Suny, "Constructing Primordialism: Old Histories for New Nations," *The Journal of Modern History*, 2001, 73/ 4, pp. 862-896.

Taline Ter-Minassian, *Erevan: la construction d'une capitale à l'époque soviétique*, 2007, PU: PU Rennes.

Zakoyan, Gareguin, *My Yerevan*, 2002 Yerevan: Acnalis.

